

Жертва/
ритуал

Травма/
невроз

Язык/
речь

Память/
история

Желание/
бессознате
льное

Фрейд и исторический невроз

- Модель понимания религиозных симптомов по Фрейду?
- Необходимое условие возникновения неврозов?
- Невроз – это отсроченное последствие.....?
- Моисей был для евреев гигантской.....?
- Запрет на что predetermined особенности еврейской духовности?
- Что такое историческая истина еврейского монотеизма для Фрейда?
- Отношение Фрейда к «коллективному бессознательному»

- «религиозные явления можно понять лишь на основе модели невротических симптомов - как возвращение давно забытых и важных событий в ранней истории человеческой семьи; что своим навязчивым характером эти явления обязаны именно такому происхождению, а свое поразительное влияние на человечество черпают из той исторической правды, которую в действительности содержат»

- «период "инфантильной амнезии" совпадает с ранним расцветом сексуальности. Возможно, это совпадение является необходимым условием возникновения неврозов, само существование которых представляется достоянием одного лишь вида хомо сапиенс; в этом плане неврозы могут рассматриваться как рудимент древнейших времен - подобно определенным органам нашего тела»

- «в истории рода человеческого происходит нечто, весьма подобное событиям в жизни каждого отдельного человека. Иными словами, человечество как целое тоже проходит через конфликты сексуально-агрессивного характера, которые оставляют по себе неустранимые следы, но по большей части подавляются и забываются; позднее, после длительного скрытого периода, они снова возрождаются в коллективной психике и вызывают к жизни явления, сходные по структуре и тенденции с невротическими симптомами индивидуума».

- Но среди предписаний этого Бога есть одно, значение которого много больше, чем представляется на первый взгляд. Это запрет на изготовление подобий Бога, который, по сути, означает приказ поклоняться Богу незримому. Я полагаю, что в этом пункте Моисей превзошел в строгости даже религию Атона; его Бог не должен был иметь ни имени, ни облика. Этот запрет поначалу был, видимо, еще одной предосторожностью против магических ухищрений. Но, будучи принят, он неизбежно должен был оказать глубокое влияние на евреев. Ибо он означал подчинение чувственных ощущений абстрактной идее; это была победа духа над чувствами, или, более строго, отказ от удовлетворения инстинктивных потребностей со всеми вытекающими отсюда психологическими последствиями.

- Я готов признать, что ответ верующего человека разъясняет привлекательность монотеизма, но - с поправкой: древних евреев привлекала в монотеизме не столько некая "Вечная", то есть метафизическая Истина, сколько - истина историческая. Иными словами, я не верю в то, что именуется религиозной истиной монотеизма, то есть в существование единого и всеильного бога, но верю в истинность праисторического факта, припомнившегося евреям при встрече с монотеизмом - того факта, что в первобытные времена действительно существовал единый Отец, Вождь, Повелитель, который был возвышен до уровня божества. Другое дело, что для возвращения в коллективную память людей эта историческая истина должна была явиться в замаскированном, ином по сравнению с исходным виде, то есть как раз в виде "религиозной истины" Моисея

- Мы не знаем, в какой психологической форме это прошлое сохраняется в коллективной памяти, пока его покрывает мрак. Не так-то легко перевести понятия индивидуальной психологии на язык психологии масс, и я не думаю, что такой перевод легче будет сделать, если мы введем концепцию "коллективного бессознательного" - ведь, фактически, содержание всего, что бессознательно, и так в той или иной мере коллективно, то есть, принадлежит человечеству в целом. Поэтому нам лучше рассчитывать на помощь аналогий. Процессы в жизни народов, которые мы анализируем здесь, действительно сходны с теми, которые известны из индивидуальной психопатологии, но все же не вполне идентичны. Точнее было бы думать, что ментальный остаток тех первобытных времен превратился в некое коллективное психическое наследие, которое легко могло пробудиться в любом следующем поколении, даже и без повторения соответствующих событий. Такой ментальный остаток сходен, к примеру, с речевой способностью, которая присутствует у каждого ребенка без всякого специального обучения и наверняка является врожденной и одинаковой у всех народов, несмотря на различие их языков

- Так какой дискурс коллективной травмы задает Фрейд?
- Что такое травма в своей основе?

- Это артикулированное прошлое, которое актуализируется в кризисные периоды и становится проектом будущего

Рене Жирар и стереотипы насилия

- Каков «вечный» предмет описания кризиса во всех исторических нарративах?
- Каковы структурообразующие стереотипы в этих описаниях?
- Что не обнаруживают этнографы и что надо изучить, чтобы это обнаружить?
- Что ослабляет гонительский механизм, постоянно его воспроизводя?

- Этнография давно распознала в том, что она называет «магическим мышлением», сверхъестественное объяснение *каузального типа*. Юбер и Мосс видели в магии «гигантскую вариацию на тему принципа причинности». Этот тип каузальности предшествует и в некотором смысле предвосхищает каузальность научную.

- радикальная утрата социального порядка, гибель норм и «различий», задающих культурные категории. Все описания кризисов похожи друг на друга. Их авторами могут быть самые великие писатели (например, в случае чумы — Фукидид, Софокл, Лукреций, Боккаччо, Шекспир, Дефо, Антонен Арто, Томас Манн и многие другие), могут быть и люди без литературных претензий, но тексты эти все равно не будут сильно отличаться. И это не удивительно, так как предметом описания всякий раз служит сам факт наступившего неразличения, то есть культурная обезразличенность и все происходящие из нее смешения

- Стереотип кризиса неразличимости – толпы
- Стереотип обвинений со стороны гонителей в преступлениях против структурированных различий
- Стереотип жертвы как избранной от Других по виктимным признакам
- Стереотип насилия

- «Представители виктимных категорий кажутся предрасположенными к совершению обезличивающих преступлений. Религиозным, этническим, национальным меньшинствам никогда не ставят в вину саму их отличность — им ставят в вину то, что они не отличаются *как положено*, а в крайнем случае — то, что они вообще *не отличаются*. Иностранцы не способны соблюдать «истинные» различия; у них нет морали или нет вкуса; они плохо воспринимают различительное как таковое. «Варвар» — не тот, кто говорит на другом языке, а тот, кто смешивает единственно значимые различия — различия греческого языка. Повсюду словарь племенных, национальных и прочих предрассудков выражает ненависть не к различию, а к его отсутствию. В другом видят не другой «номос», а аномалию; не другую норму, а ненормальность; немощный превращается в безобразного; иностранец становится «апатридом». В России лучше не иметь репутацию «космополита». «Метеки» рабски копируют все различия, потому что сами не обладают никакими. И эти прародительские механизмы бессознательно воспроизводятся из поколения в поколение (правда, надо признать, что часто на уровне менее летальном, чем в прошлом) — например, в наши дни антиамериканизм считает себя «отличным» от всех прежних предрассудков, поскольку он отстаивает любые различия против обезличивающего вируса якобы исключительно американского происхождения»

- Конечно, за исключением нескольких образцово-показательных мифов, особенно мифа об Эдипе, мифологию нельзя *прямо* уподобить поддающимся дешифровке гонительским репрезентациям — зато ее можно уподобить им *косвенно*. Если в исторических гонительских репрезентациях у жертвы есть кое-какие чудовищные черты, то в мифах она чудовищна целиком и потому труднее опознается в качестве жертвы. Но из этого различия не следует делать вывод, будто два эти типа текстов не могут иметь общего генезиса. Если рассмотреть дело детально, то мы поймем, что принцип искажения репрезентируемого в истории и в мифологии един — просто в мифологии этот мотор работает в более интенсивном режиме, чем в истории

- Та идея, что толпа или даже целое общество может попасть в плен к своим собственным виктимным иллюзиям, оставалась непостижимой. Если бы мы попытались эту идею разъяснить людям Средневековья, они бы ее не поняли.

- *Ритуал* — это миметическая реприза миметических кризисов в духе религиозного и социального сотрудничества, предполагающая возобновить виктимный механизм не столько к невыгоде закалаемой жертвы, сколько на благо общества. Именно поэтому в диахронической эволюции ритуалов беспорядок, который предшествует и способствует жертвенному закланию, все время ослабляется, тогда как праздничный и банкетный аспект приобретает все большую важность.

- Что, по Жирару, является источником воспроизводящейся коллективной травмы?

- Закрепившийся механизм преодоления кризиса – гонение и принесение жертвы, который в христианстве приобретает огромный разоблачительный эффект и пафос.
- Нарратив такого разоблачения обнаруживает (создает?) коллективную травму.

Лакан и «непереносимый нарратив»

- Что вскрывает травму? Или что привело к ее открытию?
- Что лежит в основе психоанализа, по Лакану?
- Что есть бессознательное?
- Роль желания, языка и речи по отношению к бессознательному и травме?

- «talking cure». Заметим, что лечение этой больной истерией как раз и привело к открытию патогенного события, именуемого травматическим. Событие это было признано причиной симптома на том основании, что словесное упоминание события (в рассказываемых больной stories) вызывало исчезновение симптома. Заимствованный у призванной объяснить этот факт психологической теории термин «осознание» свой престиж сохраняет, но, как и любое слишком очевидное объяснение, вызывает наше справедливое подозрение. Психологические предрассудки эпохи не позволяли признать в вербализации как таковой иную реальность помимо ее *flatus vocis*. Остается фактом, тем не менее, что в гипнотическом состоянии вербализация отделена от осознания, а этого вполне достаточно, чтобы заставить нас пересмотреть концепцию ее последствий

- что он это событие вербализовал, или, раскрывая этот термин, французское звучание которого напоминает о другой фигуре Пандоры*, не имеющей отношения к ящику, куда следовало бы, наверное, этот термин прочно запереть, - что он перевел его в Слово, а точнее в *эпос*, с которым он связывает теперь истоки своей личности. Причем излагает он этот эпос на языке, который позволяет ему быть понятным своими современниками, более того, предполагает наличие их собственного дискурса. Поэтому рассказывание *эпоса* - включает ли оно былой дискурс в его архаичной форме и на чужом языке, или разворачивается с подлинно театральным воодушевлением во времени настоящем - всегда имеет облик косвенной речи, всегда произносится на манер вставленной по ходу рассказа и заключенной в кавычки цитаты; причем если он разыгрывается, то происходит это на сцене, предполагающей присутствие не только хора, но и зрителей. Гипнотическое припоминание является не просто воспроизведением прошлого, но, самое главное, актуализацией его в речи, что предполагает множество разного рода «присутствий».

- бессознательное есть та часть конкретного трансиндивидуального дискурса, которой не хватает субъекту для восстановления непрерывности своего сознательного дискурса

- Бессознательное - это та глава моей истории, которая содержит белое пятно или ложь: это глава, прошедшая цензуру. Но истина может быть найдена; чаще всего она уже записана в другом месте. А именно:
- - в памятниках : таковым является мое тело, т.е. истерическое ядро невроза, где исторический симптом обнаруживает структуру языка и расшифровывается как надпись, которая, однажды будучи прочитана, может затем быть уничтожена без особого сожаления;
- - в архивных документах, смысл которых остается непонятен, покуда не выяснено их происхождение: таковы воспоминания детства;
- - в семантической эволюции: она соответствует моему запасу слов и особенностям их употребления, а также моему жизненному стилю и характеру;
- - в традициях и даже легендах, где моя история облекается в героизированные формы;
- - в следах искажений, которые возникают при согласовании с соседними главами фальсифицированной главы, чей смысл должен быть восстановлен нашим собственным истолкованием.

- Бессознательное субъекта есть дискурс другого
- Словом, здесь-то и проявляется как нельзя отчетливо тот факт, что желание человека получает свой смысл в желании другого - не столько потому, что другой владеет ключом к желаемому объекту, сколько потому, что главный его объект - это признание со стороны другого.

- Ибо функция языка не информировать, а вызывать представления.
- То, что я ищу в речи - это ответ другого. То, что конституирует меня как субъекта - это мой вопрос. Чтобы получить признание от другого, я говорю о том, что было, лишь ввиду того, что будет.
- Чтобы найти его, я называю его по имени, которое отвечая мне, он должен либо принять, либо отвергнуть.
- В языке я идентифицирую себя, но лишь для того чтобы затеряться в нем как объект. В моей истории реализуется не прошедшее время, выражающее то, что было, ибо его уже нет, и даже не перфект, выражающий присутствие того, что было, в том, что я есть сейчас, а скорее предшествующее будущее: то, чем я буду в прошлом для того, чем я теперь становлюсь.

- Что является главным катализатором травмы, по Лакану? Ее условием, делающим ее возможной?

- Мы сегодня не располагаем никаким определением, никаким Единым (Благо Платона). Мы расщеплены. Быть – это не напрямую делать, а либо играть либо смотреть, как играют. Мы не имеем доступа к прямому действию как благу (театр в основе европейской секуляризации). Мы вынуждены производить (Маркс), мы вынуждены мыслить в разных эпистемах (Фуко), мы вынуждены говорить (Лакан)

- Парадокс о лжецах-критянах, говорит Лакан, - это вопрос, который могло бы адресовать нам бессознательное, если бы оно могло говорить, ибо бессознательное – это то, что всегда лжет. Оно лжет, потому что в нем всегда есть желание, в котором оно не намерено признаваться.
- Если бессознательное на сессии усердно подтверждает все гипотезы аналитика, оно, конечно, лжет. Это содержание высказываемого бессознательного: я лгу и ты должен это прочесть.
- Лакан: содержание акта высказывания «я лгу» – это одно (я могу лгать), а сам акт высказывания, предупреждающий о возможности такой лжи – это другое!
- Социальный критик встает перед этой проблемой толкования публичной дискуссии, в которой задействуется речь как акт высказывания, но и происходит удвоения означаемого.

- Ницше. Грядет сверхчеловек, который ненавидит ценности и потому ценности умерли – это содержание высказывания Ницше. Грядет новая ценность – сверхчеловек – это акт высказывания. Интонация, запальчивость высказывания тоже имеет значение, обнаруживая патос бессилия (патетика, пафос) перед представлением непредставимого. Это значит внести измерение ценности с заднего хода (Хайдеггер). Речь показывает то, что мы не намеревались ею показывать.
- Таким образом бессознательное – это не то, что не дается речи, а это провал между теми парадоксами, в которые нас вводит речь.

Мосс и Юбер

Тотальность ритуала

- В чем измеряется универсальность жертвоприношения?

- *жертвоприношение есть религиозный акт, который посредством освящения жертвы изменяет статус лица, совершающего этот акт, или определенных объектов, которые представляют для него интерес*

- какова отличительная черта освящения в жертвоприношении: посвящаемая вещь служит посредником между жертвователем или объектом, на который должно обратиться полезное действие приношения, и божеством, которому обычно адресуется жертва. Человек и бог не вступают в непосредственный контакт.

- два состояния: одно — абсолютной чистоты, другое — нечистоты, могут стать поводом для одних и тех же процедур, элементы которых не просто одни и те же, но и располагаются в том же порядке и направлении имеют то же самое.
- Жертва в равной мере может представлять смерть и жизнь, болезнь и здоровье, грех и честь, ложь и истину. Она — средство для концентрации религиозного начала; она его выражает, воплощает, является его носителем. Воздействуя на жертву, действуют на религиозное начало, управляя им: либо привлекая и впитывая, либо изгоняя и исторгая. Этим же объясняется, как при помощи соответствующих приемов эти две формы религиозности могут переходить одна в другую и почему обряды, которые в некоторых случаях выглядят противоположными, иногда бывают почти неразличимы.

- Одна из задач данной работы — показать, что устранение некоего сакрального свойства, чистого или нечистого, — это примитивный механизм жертвоприношения, столь же примитивный и столь же несводимый ни к чему другому, как и причащение. И если система жертвоприношения обладает неким единством, его следует искать в другом.

Магия этнографии

- Какова роль этнографов в конструировании концепта травмы?

- Страх перед инцестом попросту служил подкреплением закона экзогамии, который отражал волю Отца и сохранился после его смерти. Именно отсюда идет сила его эмоционального влияния и невозможность рациональной мотивировки, короче - его "сакральность". Я готов предсказать, что дальнейшие исследования других сакральных запретов дадут тот же результат: все "сакральное" первоначально было ничем иным как сохранившейся волей первобытного Отца. Такое толкование проясняет, кстати, и двусмысленность самого слова "сакральное". Ведь "сакер" означает не только "священный", "благословенный", но и нечто такое, что переводится как "заклятый", "неприкасаемый".

- Зато этнографы никогда не обнаруживают гонительскую схему в тех обществах, которыми занимается их наука. Нужно спросить, почему. Возможны два ответа. (1) Для «этнографических» обществ вообще не характерны гонения — или характерны так мало, что к ним неприменим тип анализа, примененный нами к Гийому де Машо. К этому решению склоняется современный неопримитивизм. Бесчеловечности нашего общества он противопоставляет человечность всех остальных культур. Правда, никто еще не решился прямо утверждать, что гонение действительно отсутствует в незападных обществах. (2) Гонения есть, но мы их не видим — либо потому, что не располагаем необходимыми свидетельствами, *либо потому, что не умеем расшифровывать те свидетельства, которыми располагаем*

- Эванс-Притчард. Он признается, что, несмотря на некоторые результаты «хорошего научного уровня», магия в целом имеет довольно жалкий вид по сравнению с наукой, однако не по тем причинам, которые воображают сторонники концепции «примитивного мышления». Магия, пишет он, «отличается от науки не столько незнанием или пренебрежением детерминизмом, сколько более властным и более непреклонным требованием детерминизма, которое наука может считать безрассудным или поспешным»

- жизнь естественных групп, образующих сообщество, подчиняется брачным правилам, регулирующим порядок обмена женщинами. Брак определяется порядком предпочтений, правила которого, включающие именованя степеней родства, для группы, как и язык, императивны по форме, но бессознательны по своей структуре. И вот в структуре этой, гармония и тупики внутри которой регулируют ограниченный или обобщенный обмен, различаемый в ней этнологией, изумленный теоретик находит всю комбинаторную логику; законы числа, т.е. символа в наиболее чистом его виде, оказываются, таким образом, имманентными изначальному символизму. Во всяком случае в богатстве форм, в которые развиваются т.н. элементарные структуры родства, законы эти без труда прослеживаются. И это наводит на предположение, что лишь неосознанность их постоянства еще сохраняет у нас иллюзию в свободе выбора внутри тех якобы сложных брачных структур, под законом которых мы существуем.

-
- Ушакин С. «Нам этой болью дышать»?
 - Джулиет Митчелл. Травма, признание и место языка.
 - Франсуаза Давуан, Жан-Макс Годийер. История по ту стороны травмы
 - Эрик Сантнер. История по ту сторону принципа наслаждения.
 - (Травма: Пункты. Под ред. С.Ушакина и Е. Трубиной. Москва, НЛО, 2009)